

К 170-летию со дня рождения Аполлона ГРИГОРЬЕВА

Тургенев описал страдания русского Гамлета в романе «Дворянское гнездо», Лев Толстой взял его черты для создания образа Федя Протасова в драме «Живой труп», Достоевский отобразил трагические нелепицы его страсти в образе Дмитрия Карамазова, и все это родилось в личных доверительных отношениях с современником, которого они чрезвычайно высоко ценили, — Аполлоном Александровичем Григорьевым.

Еще недавно многие лишь с трудом припоминали столь знаменитую личность, которой восторгались всемирно известные гении русской литературы, посвятившие ему немало проникновенных страниц. Но должно сказать, что к нынешней своей юбилейной дате русский поэт и критик пришел не таким уж и незнакомцем. И ему место нашлось за пиршественным столом отечественной литературы: уже выпущены его книги стихов и статей, опубликованы о нем интереснейшие воспоминания, его незаурядная проза, да вот и я, скромный литератор, удостоился чести написать о нем статью, а ведь всего-то каких-то несколько лет назад мне отказали в заявке на книгу об Аполлоне Григорьеве в серии «ЖЗЛ», мотивируя отказ тем, что, мол, слишком уж о многих писателях пишут биографии. Что и говорить, конечно, лучше Герцен или Маяковский, а то и Дефо или Рабиндранат Тагор. Им-то места хватило в издательских планах, а вот русскому классику критической мысли и блистательному поэту, автору «Цыганской венгерки» и «О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная...», было вельможено отказано.

Что ж, не везло Аполлону Григорьеву и при жизни. Многие из друзей им восторгались, многие просто что-то брали из его идей и выдавали за свое, хотя бы тот же благообразный Афанасий Фет, который с ним не один год прожил на Полянке, потом в помещики подался, поняв, что ничего-то у него с дворянством не получится, и женился по выгоде, на «чайной» помещице. А Аполлон, хотя и окончил Московский университет первым кандидатом и место ему уготовили почетное: секретарем Совета, — уехал неожиданно в Петербург. И загулял там Аполлон Александрович на всю катушку. Один в Петербурге, без друзей, без денег. Здесь и мasons, и фурыеристы, и дельцы от литературы... Все испытал. Все выдержал. Не сломался. Вернулся в Москву. И женился на сестре своей первой любви — на Лидии Корш.

За это время немало написал и передумал Аполлон Григорьев. Но самым ценным, пожалуй, была драма «Два эгоизма». Вещь написана любово, без вещественной и пластической плоти, но замечательна она тем, что в ней мы видим автора непримиримым ни к каким дешевым сенсациям демагогического или абстрактно-логического мышления. Здесь и иронично, и негативно показан Петрашевский (Петушевский), и Аксаков (Баскаков), и некто Мертвиллов — вульгари-

затор идей Гегеля. Ни к кому сердце у автора не лежит: Баскаков — представитель «витязей ракового хода» (так назвал в свое время Аполлон Григорьев последователей славянофильства), Петушевский — не вызывает симпатию потому, что ко всему он относится цинично и верит только в головное, рассудочное. Правда, есть и еще один яркий представитель преуспевающего чиновничества Кобылович (прототипом Григорьеву послужил его товарищ по университету Калайдович. А может, и Фет? Кто знает).

Не принесла А. Григорьеву женитьба ни любви, ни денег. Жена ему бульварно изменила, как Лаврецкому в «Дворянском гнезде».

Но бывают и в жизни неудачника звездные минуты. Были они и у Аполлона, когда он сдружился с московской редакцией «Москвитянина» и с группой разгульных талантливейших писателей, поэтов, музыкантов — А. Островским, Л. Меем, Б. Алмазовым и др. Но как беда не ходит одна, так и счастье не ходит в одиночку: в 1850 году полюбил он московскую красавицу французского происхождения Леониду Визард (отец ее был сотоварищем Аполлона Григорьева по Московскому воспитательному дому). Женщина изумительной красоты, незаурядного таланта, она, как ни странно, не обращала ни малейшего внимания на Аполлона, который ревновал, бесился, писал гениальные стихи и вконец был ошарашен, когда эта красавица и умница вышла замуж за второстепенного драматурга М. Владыкина.

Григорьев не забывал свое горе: бил горькую, сидел в долгой тюрьме, занимал деньги и проматывал их, и порою до такого вида доходил, что от него на улицах шаркались прохожие. Но не забывал он и главного, к чему был предназначен Богом, — писать стихи, музыку, статьи, долгие и трудные, торжественные и страстные, о том, что верить надо не какому-либо шелкоперу, а русскому народу, что русский человек не бунтарь, а терпеливец великий.

И вновь поворот в судьбе. Умчался он от всех горячек и распада «Москвитянина» в Италию учителем молодого князя И. Ю. Трубецкого. Время блистательных пиршеств живописи и музыки, галерей и храмов. Там у него появилась платоническая увлеченность самой мадонной Мурильо...

*Глубокий мрак, но из него возник
Твой девственный,
болезненно-прозрачный
И дышащий глубокой тайной лик...*

РУССКИЙ ГАМЛЕТ

*О, как могла ты, светлая, сродниться
С зловещею, тебя объявшею тьмой?
В ней хаос разрушительный таится.*

Не подобные ли прозрения о страшной бездне искусства приходят тогда, когда колеблется собственное пребывание в мире, когда этот мир трещит по швам в твоём собственном мозгу? Флорентийская мадонна и «разрушительный хаос» — и все это одновременно в одном лике на полотне! Такой трагической высоты достигали современник Аполлона Тютчев и будущий его последователь, пристрастный и чуткий Александр Блок.

Аполлон Григорьев боялся собственной лирической стихии, он чувствовал ее губительную над собой власть и поэтому больше писал критические статьи и там высказывал прозрения великие. Недаром требовательный Тургенев пытался после распада «Москвитянина» заманить Григорьева в «Современник», но там уже царствовал Чернышевский, а такой не позволит потеснить свои позиции, тем более чувствуя в сопернике силу глубокую и мощь ума даровитейшего. Да и не хотел нигде унижаться А. Григорьев, чтобы за благое сотрудничество поступиться «сотой долей того, что он купил жизнью мысли». И бедствовал, и страдал. Вот что записал в свой дневник В. Ф. Одоевский в начале 1860 года: «Приходил ко мне Григорьев, но в такой бедности, что жалко смотреть. На беду у меня всего до первого числа было тридцать рублей. Я отдал ему половину».

Но за этой нищетой уже сиял нетленными строками лирический шедевр — цикл стихов «Борьба». В нем все, что поднимало поэта под небеса и что его ввергало в адавы бездны, что тешило его в минуты горького отчаяния и наводило смертельную муку...

Блеснул было на год-два успокоительный ландшафт: сотрудничество в журнале братьев Достоевских «Время». Но уж дух такой неуспокоительный был в Аполлоне, что и там, казалось бы, среди друзей, не находил он покоя. Разошлись в главном «почвенническом» направлении журнала: не следует, по мнению Григорьева, делать акцент на цивилизационные функции разных философий и прикрывать их к телеге народной, как пятое колесо, на народ надо смотреть конкретно, целостно. Даже в А. Островском, чью кряжистость и коренность воспел, он уже чувствовал присутствие односторонности, догмы. А он был противником всех и всяческих догм и насилия над «жизнью мысли».

Последний раз уносит его любовь с публичной девицей Марией Дубровской в Оренбург, где он учительствовал. Хотел уехать, все начать сначала с женщиной, которая его полюбила и которую он тоже полюбил. Но не судьба.

Вернулся в Петербург через несколько месяцев. Работал в театральном журнале «Якорь». Даже возглавил его. Пошел было опять в журнал «Эпоха». Но судьба уже отсчитывала последние дни. За несколько дней до смерти его выкупила из долгового отделения генеральша А. И. Бибикина. Последняя женщина?

Одни гении умирают на снегу, другие — у подножия горы Машук, а наш страдалец умер 25 сентября 1864 года сорока двух лет от роду от апоплексического удара во время объяснения с кем-то из назойливых издателей. И похоронен был в осенний слякотный день 28 сентября на Митрофаньевском кладбище в Петербурге.

Вскоре после смерти Аполлона появились воспоминания о нем Н. Страхова, друга и последователя. Федор Достоевский присовокупил к ним примечания, где называет Аполлона Григорьева бесспорным и страстным поэтом, одним из русских Гамлетов нашего времени, которые менее прочих раздвигались и рефлектировались. По мысли Достоевского, если такой Гамлет заболевает тоской, то уж весь целиком, всем человеком.

В начале своего творческого пути каждый гений русской словесности определял свой трагический путь. Вот как его обозначил Аполлон Григорьев:

*Когда средь сонма звезд,
Как звуков перелив,
Определенный путь
Комета полетит
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзвезданных стихий
Горя еще сама и на пути своем
Гроза иным звездам
Что нужды ей тогда
До разрушения гармонии?... Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг
Да совершит
Цель очищения и цель самосозданья.*

Юрий НИКОНЫЧЕВ